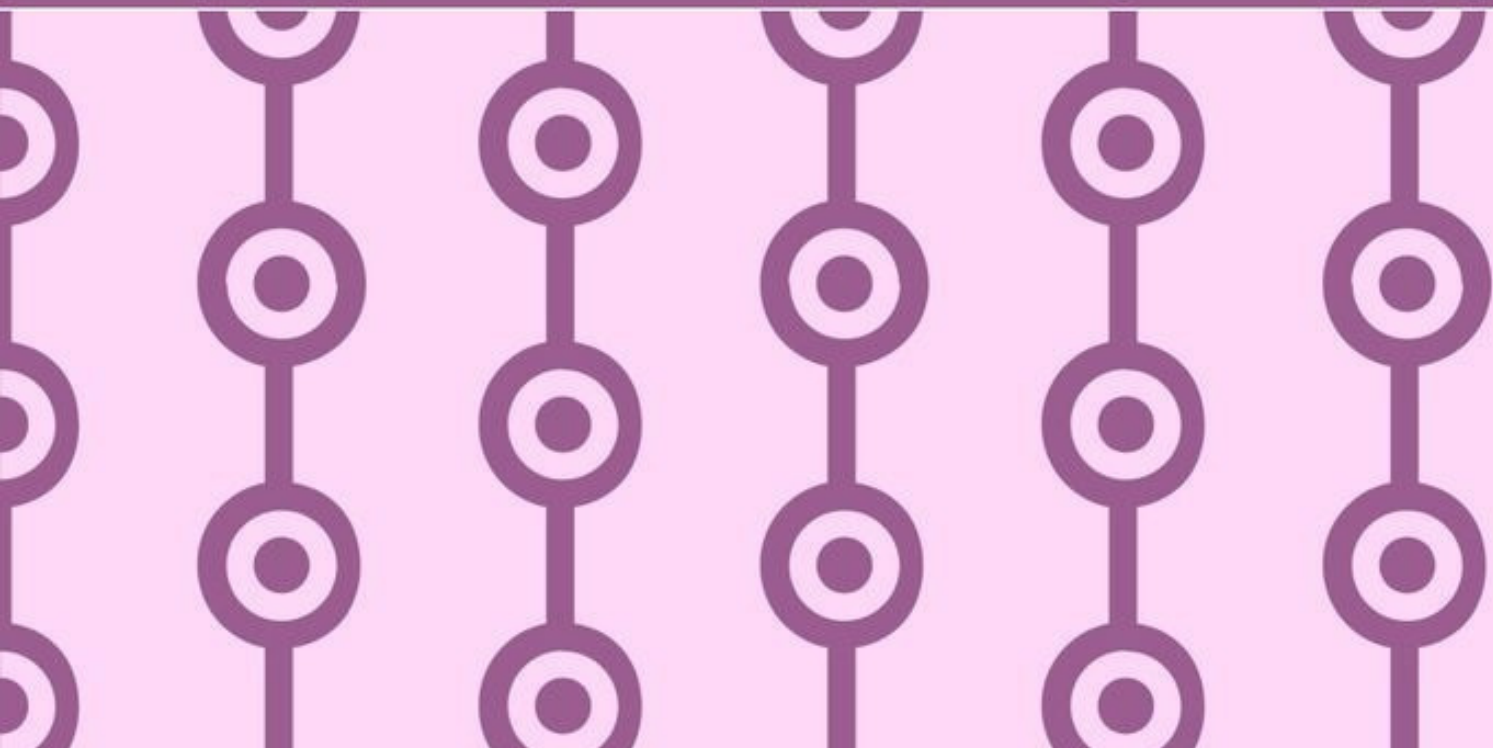

18+

Владимир Сметанин

*Время
летучих
паутин*

Двадцать сажений к югу

Владимир Сметанин

**Время летучих паутин.
Двадцать сажений к югу**

«Издательские решения»

Сметанин В.

Время летучих паутин. Двадцать саженей к югу / В. Сметанин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983341-9

Летний парк становится местом попытки ограбления девушки, на защиту которой встает случайный прохожий. У молодой пары даже завязываются романтические отношения. Но секрет старой книги, хранящий тайну спрятанных сокровищ, не даёт рыцарю покоя, завладевает его мыслями и отдаляет от дамы сердца. Некогда оглянуться, невозможно остановиться: вровень с ним мчатся конкуренты. Кто опередит, и где настоящий клад? Исполненные юмора страницы романа увлекают читателя в водоворот занимательных событий.

ISBN 978-5-44-983341-9

© Сметанин В.
© Издательские решения

Время летучих паутин Двадцать сажений к югу

Владимир Сметанин

© Владимир Сметанин, 2020

ISBN 978-5-4498-3341-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время летучих паутин
Роман

Лаптевка – солидный населённый пункт, хоть и не райцентр. Что, конечно, несправедливо. В Лаптевке три тысячи жителей, против трёх с половиной в стольном посёлке района Нагорном. Но упомянутая половина – это в основном чиновничество. Если его перекинуть в Лаптевку, то перевес будет на её стороне. Да кому это нужно? Ведь если определить центром района это, безусловно, достойное село, недовольны будут жители Нагорного. В первую голову те же самые ответственные люди. Не говоря уж о неисчислимых неудобствах и затратах, связанных с узакониванием нового порядка и изготовлением фирменных бланков и печатей. А ведь это народная копеечка! Поэтому пока что в Лаптевке никаких особых производств нет, как нет и повальной занятости.

Николай Ферапонтов в последнее время тоже не имел постоянной работы. Во времена развитого социализма его непременно зачислили бы в презренный отряд тунеядцев: сейчас он чинил автомобили при своей усадьбе. Нечего и говорить, что заработок носил характер нерегулярный и в основном сезонный. Сказывалось обилие конкурентов, в том числе и автосервисов со всем мыслимым и немыслимым оснащением. Выручало то, что автомобилей наплодилось великое множество, а коль скоро новые машины, с конвейера, составляли лишь малую часть автопарка, его приходилось то и дело реанимировать. Кроме того, Николай Ферапонтов, инженер-механик по образованию, давно уже заслужил репутацию человека-золотые руки. Как-никак два десятка лет он подвизался на этом поприще да на электродвигателях, иногда отлучаясь ещё на сахалинскую путину. Так или иначе, после развода со своей Анастасией он неукоснительно слал деньги на воспитание двоих сыновей и связи с ними не порывал. Теперь-то парни уже взрослые, но ещё крепко не встали на ноги, и старший Ферапонтов продолжает помогать им. Да. При том что душевный склад у него довольно дрянной, из-за чего и ушла Настя. То есть он невыносимый холерик, холера его заберит.

– Настя! – бывало, вопит он утром из спальни, – куда ты дела мои носки?

– Никуда я их не девала, даже и не видела их!

– Как же не видела, если они на виду лежали. А теперь их нет!

Ферапонтов начинал метаться по спальне, чихая под кроватью, заглядывая под Настину подушку и в антресоль на платяном шкафу; тряпки летели во все стороны.

Супруга находила носки в заднем кармане его брюк, где обычно содержался громадный носовой платок. На этот раз он сиротливо висел на перекладине стула, скрытый брошенным поверху пуловером.

– Торопился, – сконфуженно говорил Ферапонтов и вдруг подхватывался бежать, не попив чаю. – Опаздываю! Мужики должны «Соболя» пригнать!

Иногда, поговорив с кем-то по телефону, он кричал прилёгшей после трудов половине:

– Настя! – давай на стол метать будем! Гости!

– Ну так же не делается! – с досадой отвечала Анастасия. – Ну как мы будем встречать гостей – ни причёски, ни макияжа. И чем угощать?

– Ништо!! – жизнерадостно восклицал глава семейства. – Я мигом в магазин! – и убежал.

Нечего и говорить, что отдуваться приходилось главным образом хозяйке. Ферапонтов мог на закате дня сорваться с кем-то на рыбалку и появиться через два дня, не подавая о себе до того никаких сигналов. А до озера разве дозвонишься? Там нет связи. Поэтому, когда он стал ещё во время таких побегов выпивать, и делал это, как и всё, увлечённо, терпение её подошло к концу.

– Иваныч, – на редкость жестоким голосом сказала однажды она, – я тебя предупреждала. Ещё раз такое – я ухожу, вместе с ребятишками!

Последнюю точку во всей истории поставила одна из зимних рыбалок главы семейства. В ясное декабрьское утро Ферапонтов, вооружившись удочками, блёснами, мормышками и натуральной наживкой, отправился на Большое озеро. Водки, как удостоверилась Анастасия, у него при себе не имелось. Конечно, это мало что значит: по пути мало ли магазинов? В Трёхречном они растут, что называется, опережающими темпами. Но Николай Иванович заверил её, что широкое гулянье сегодня в его планы не входит – просто он давно уже не выбирался на рыбалку. После ледостава – всего только один раз. Он и в самом деле не собирался злоупотреблять – всего-навсего прихватил малую, в четверть литра, бутылку «Столичной»: мороз всё-таки. На льду он расположился рядом с машиной, и не пришлось тащить на себе бур, рыбный ящик-сиденье и прочую атрибутику. Да. День занимался погожий, без снега и ветра, что особенно ценно. И всё шло замечательно, пока не подъехали знакомые: в их планы как раз входило несколько расслабиться на приволье а уж попутно – и половить рыбу. Завидев Николая Ивановича, кто-то крикнул, сложив рупором ладони:

– Иваныч, к нашему шалашу!

Шалаша, правда, не имелось, но костёрки мужики развели, из привезённых дров. Под костёр подложили тоже привезённые кирпичи. Как раз у Николая Ивановича начали подмерзать ноги, клёва особого не случилось, и он перебрался к компании. Костёр прогорел быстро, но через час-полтора нужда в нём и сама по себе отпала, поскольку все разгорячились, и дело даже дошло до песен. В конце концов всё привезённое оказалось выпито, и встал вопрос: что делать дальше? Поступило два предложения: съездить в ближайшую торговую точку за добавкой или же завершить банкет уже в городе. Решили, что пока курьер будет ездить туда-обратно, короткий декабрьский день закончится, и какой тогда смысл сидеть на льдине в темноте и холоде? То есть завершить ловлю следовало всё-таки в Трёхречном. Начали собирать имущество. Но тут возникла проблема: автомобиль Николая Ивановича изрядно промёрз и ни в какую не хотел заводиться. Хозяин просто упустил из виду, что после полудня может похолодать, и пропустил контрольное время. А мороз прижимал всё крепче. Он вновь поспешил к компании, которая уже собрала пожитки, и принялся кричать и размахивать руками. Его увидели и стали ждать. Но вот незадача: троса, как и у Николая Ивановича, у них не нашлось.

– Эх, ну как же ты Иваныч, инженер-механик – и без троса? Мы-то ладно – простой народ, способны только кататься, а ты? – попенял Ферапонтову один из рыбаков.

– Самодостаточный сапожник – без сапог, – отвечал Николай Иванович.

Сам собой напрашивался другой вариант: «прикурить» от аккумулятора работающей машины. Однако она имела слишком малый клиренс и на первых же метрах вне дороги, увязла в снегу. А до закоченевшей машины на озере предстояло одолеть не меньше ста метров. Дружные усилия по толканию автомобиля-спасателя к терпящему бедствие не имели успеха: он то и дело садился на брюхо. Так что и трос тут бы не пригодился, если он был короче ста метров. Имелись и другие способы извернуться, но не совсем надёжные и требующие времени, а оно и без того уходило с катастрофической скоростью. Уже и самые запоздалые любители холодной

рыбалки снялись с места, и на льду озера не замечалось никакого присутствия, кроме машины Николая Ивановича. Сумерки сгустились.

– Да чёрт с ней! – решительно сказал он. – Поедем! Завтра я её вызволю.

И поехали. Прежде всего поставили на место авто, чтобы не встретиться на нём с дорожными инспекторами, а уже затем отправились в ближайшее кафе. Славные получились посиделки! До самой ночи.

Анастасия Семёновна, обеспокоенная отсутствием супруга в течение всего дня, принялась звонить некоторым знакомым-рыбакам, спрашивая, не видел ли кто Ферапонтова? И нашёлся один, который заверил её, что да, видел Ферапонтовскую машину на Большом озере, но рядом – никого. И когда он, рыбак, уезжал, картина оставалась без изменений. Поскольку звонить на озёра не имело смысла, Анастасия Семёновна начала готовить спасательную операцию. И всё говорило за то, что эти действия не преждевременны: солнце давно ушло за горизонт, мороз крепчал, движение на улицах затихало. Надо торопиться!

Первым делом она попросила свидетеля Ферапонтовской машины съездить и показать место стоянки последней, потому что искать её в потёмках на Большом озере наугад сложно. Он согласился. Затем на помощь были привлечены ещё двое – бывшие сослуживцы Николая Ивановича, и в восьмом часу вечера экспедиция взяла курс на озёра. Искомая машина оказалась на том самом месте, где её и видели в последний раз, но снег вокруг имел много следов и разобрать, которые из них оставлены Ферапонтовым, не представлялось возможным. Обследовав большую территорию, практически всё озёро, и не найдя никого, и ничего, кроме закопчённых кирпичей да пустых бутылок, стали решать, что делать дальше. Командор пребывала в отчаянии.

– Да не такой Иваныч, чтобы затеряться, – успокаивал её один из его друзей. – Он и во сне найдёт дорогу.

– Скорее всего, он не мог завести машину и уехал с кем-нибудь, – высказал здравую мысль другой, осмотрев покинутый автомобиль с заиндевевшими окнами.

– Где же тогда он? – задала непростой вопрос Анастасия Семёновна.

– Так, может, он навстречу проехал, мы же встречные не останавливали!

Возвращение вышло безрадостным, но на подъезде к городу вдруг встрепенулся телефон Анастасии.

– Да! – нервно крикнула она.

– Вы меня не потеряли? – услышали все в салоне жизнерадостный и нестойкий голос Ферапонтова. – Я скоро буду! – по интонации чувствовалось, что звонивший собирается на этом и завершить сеанс связи.

– Где ты? – не давая ему отключиться, пронзительно спросила супруга.

– Да я тут, в Трёхречном. Где же мне быть?

– Где именно, в каком месте? Адрес!

– Кафе тут, на углу Осенней и Рабочей. Не помню название.

– Сиди там и жди! Мы ищем тебя, сейчас подъедем!

Попутчики Анастасии Семёновны перевели дыхание и враз заговорили.

– Да с кем не бывает!

– Он ничего и не пострадал.

– И, главное, в кафе! Чего же лучше!

И все развеселились. Действительно, ну – не потеха ли!?

Наутро Настя без всяких эмоций сообщила больному Ферапонтову, что с неё хватит, и она уходит от него. Потому что если отец пьяный, а мать хватит инфаркт, то кто же будет растить детей?

И она всерьёз засобиравшись съехать с квартиры вместе с детьми. Не откладывая. Чтобы опять не передумать. Он отговаривать не стал, но сказал, что тогда съедет он и это наилучший

вариант. И пусть они сегодня ещё потерпят, а уже завтра с утра его тут не окажется. И так оно и вышло. Николай Иванович отправился в знакомую с детства Лаптевку, место начала своей трудовой деятельности, где в рассрочку купил старый, но вполне ещё добротный дом. Тут не сразу, но заимел он клиентов. Зимнюю рыбалку он теперь почему-то невзлюбил, хотя летом охотно выбирался порыбачить на ближайшую воду. Рыбачил азартно, особенно, если никто не мешал и не глазел. Азарт сопровождал его при занятии любым хобби. Однако лишь только Ферапонтов принимался за обязательную работу, всю его поспешность и нетерпение как рукой снимало: всё делалось основательно и надёжно. Разумеется, когда он был трезв. А в подпитии он за дело браться и не помышлял.

В этот вечер Николай Иванович допоздна засиделся у приятеля. С Сергеем Волковым он в давние времена работал в местном филиале РПО по ПТО, каковая унылая аббревиатура означала бывшую «Сельхозтехнику». Ферапонтов тогда исправлял обязанности инженера по сельхозмашинам, а Волков – инженера по механизации молочнотоварных ферм. Жена его, Наталья, трудилась там же диспетчером. Поработать им в таких должностях довелось недолго – аккуратно до той поры, когда плановая экономика была подвинута рыночной и филиал, как и всё РПО по ПТО, приказал долго жить. Понятно, речь в застолье у Волковых то и дело возвращалась к тем благословенным временам.

– Ты хорошо устроился, – с некоторой завистью говорил Волков, чокаясь, – какая-никакая, но почти полная занятость и материальное стимулирование, как я понимаю... А я сижу сутки на дежурстве, как чучел, зарплата – слёзы кошачьи. А ведь хозяин – давно миллионер.

– Со здоровьем всё так же? Если что, моё предложение в силе. Зарботок небольшой, но не то, что у этого крохобора.

– Спасибо, но артрит мой никуда не делся. Пальцы – как крючья, хе-хе. Проводки там, мелкие гайки, клеммы – это уж не про меня.

– Ладно, что ты Николай, хоть вот как-то заботишься, – встряла в разговор Наталья, которая с каждым тостом поднимала стопку, но ни разу не выпила. – А так – и здоровому-то не устроиться. Особенно, если за сорок. Вот я – сколько порогов оббила, хм! И сижу. Ладно ещё, огородик есть. Дуры!

И хозяйка в расстроенных чувствах ушла к телевизору, смотреть очередную порцию страданий молодой цыганки в 112-й серии.

– Вот, хоть у человека отдушина есть, так сказать, душевный оазис, – посмотрел ей вслед Ферапонтов.

– Ну да, – согласился собеседник. – Я-то терпеть эти слезливые штуки не могу. Новости только, да и то... Новости всё какие-то страмные.

– Ну ты что! – возразил гость. – Бывают и хорошие новости.

– Бывают, – согласился хозяин. – Но всё больше страмные. Вот как про съёмки фильма тут у нас, помнишь? Показали ролик и сообщили, что зажиточная деревня Лаптевка была очень рада этим съёмкам, которые внесли замечательное разнообразие в череду напряжённых будней селян. А?

– Что поделаешь! Все есть хотят, да и выпить, в тенёчке полежать. Некоторые даже – на Бали, хотя там и трясёт. А помнишь, как они снег искали?

И оба развеселились.

Этому в известной мере способствовало возлияние, но и сам по себе случай выдался забавный. Съёмочной группе, которая творила сериал – детективный, разумеется – потребовался деревенский ландшафт. И в самом деле – ну какой детектив можно на все сто снять в городе? Прямо надо сказать – никакой. Другое дело – сельская местность. Простор! Тут тебе и бескрайние степи, по которым можно мчаться, уходя от погони или догоняя, тут тебе и дремучий лес с бандитским коттеджем, а прокурором здесь – медведь; тут полно текучих и стоячих водоёмов, в которых можно спрятать все концы. Да мало ли каких удобств ещё!

А что в городе? Один из немногочисленных плюсов – многоэтажки, с крыши которых привлекательно сбросить конкурента. Да ещё, может быть – наличие трамвая: в сценах преследования очень эффектно смотрится, когда догоняющий вскакивает в одну дверь, в то время, как убегающий выскальзывает в другую. И – ага!

На этот раз киношникам по ходу действия потребовался снег. На указанном снегу лежит герой, истекающий кровью, и метко разит из револьвера набегающих негодяев. Всё имелось: и герой, и негодяи, целое ведро сурика для крови, хорошо начищенный музейный револьвер, не хватало только снега. И то подумать – разгар лета, какой, на фиг, снег? Стали рассматривать варианты – ехать ли на природу в Восточную Сибирь или, наоборот, в Альпы? Большинство – а массовка практически вся – стояло за Альпы.

– Альпы! – простонала невеста главного героя Людочка. – Я ни разу не была в Альпах!
– Даёшь Альпы! – пробасил главный герой.

И вопрос, казалось, был решён: куда же ещё? Но тут обнаружилось два существенных минуса: во-первых, довольно дорого, а главное – пропасть времени уйдёт на оформление виз, да и долги по налогам... В Восточную Сибирь, конечно, дешевле и скорее, хотя и дальше, но вот вопрос – а есть ли там снег? Как назло, ни одного восточного сибиряка во всём собрании не нашлось. Но что-то подсказывало режиссёру, что даже среди сибирской тайги найти сугробы в середине июля будет непросто. Талантливый попался режиссёр! Рассмотрели варианты замены снега, их виделось два: засыпать место действия мелкой солью или же, напротив – сахаром. Напрашивалась пенопластовая крошка, но у оператора обнаружилась, при обсуждении, аллергия на полимер. Против соли выступил персонаж, которому предстояло разгребать большой фанерной лопатой снег, чтобы отыскать уроненную главным героем сим-карту. Кидать полчаса лопатой соль – это не шутки. Всё равно, что кидать щебень. Пупок развяжется! Сахар тоже не выдерживал критики: требовался по крайней мере грузовик этого продукта. Три тонны. То есть три тысячи кило, по 50 рублей каждое. Куда же к чёрту! Не дешевле обошлись бы и опыты со снеговой пушкой.

В конце концов, решили заменить снег прошлогодней соломой, которой в достатке имелось на месте ввиду крайней малочисленности скота. Ведь играют же нынче Шекспира в плавках и бикини! Солома ничем не хуже. Каждый режиссёр имеет право на собственное прочтение классики. А уж не классики – тем более! И всё прошло замечательно. Герой, лежа на ворохе соломы, стрелял так же быстро и метко, как если бы он лежал на снегу. И даже лучше! Разгребали солому в поисках симки вилами, что оказалось гораздо проще, чем лопатить её фанерным инвентарём.

Актёры и массовка потом уехали, отсняв все необходимые сцены и оставив после себя на месте лагеря груды пустых бутылок и разного хлама. Фильм впоследствии никто из лаптевцев не видел, но может быть, рабочее название его заменили, а навскидку разве определишь фильм? Везде погони, перестрелки, оборотни, заложники и миллионы. И фильмов-то – тьма! Но впечатления от съёмочной суматохи у местных остались положительные.

Тут как раз закончилась серия про цыганку, – замолк телевизор – и Ферапонтов засобирался домой:

– Пора и честь знать!

***

Таракан выпорхнул на белую гладь холодильника и тут же резко остановился, уловив какое-то движение: к агрегату приближался мальчишка. Он случился невелик ростом, да и годами – лет, может, пять, да нет – четыре. От этого он не переставал быть опасным существом. С такими ухо надо держать особенно остро. Таракан напрягся и приготовился сделать бросок в сторону. Но парнишка не обратил на него никакого внимания, а, приблизившись к холодильнику, открыл дверцу и принялся изучать его содержимое. Он проделывал это же самое вчерашним вечером. Без толку! Отойдя от холодильника, заплакал и, пугливо посмот-

рев в тёмное окно, забрался с головой под одеяло и через какое-то время заснул. Никто ему не мешал – больше в жилище никого не было. Не появился никто и наутро. Единственный, если не считать тараканов, обитатель просыпался, всхлипывая, снова засыпал и, наконец, окончательно проснувшись, опять-таки направился к холодильнику. Там за прошедшую ночь ничего не изменилось, ничего не прибавилось: так же стояла наполовину пустая банка с прокисшей горчицей, да бутылка жгучего кетчупа, который невозможно проглотить. Имелась ещё жестяная банка сайры, которую он никак не мог открыть. Словом – ничего. После холодильника хозяин обследовал кухонные шкафы. В них тоже всё оставалось по-старому – ничего, и лишь коробка сухой лапши составляла здешний продовольственный запас. Лапша эта уже обрыдла, но он взял горсть мерзкого продукта и принялся жевать. Таракан вновь появился на холодильнике и шевелил усами, принюхивался. Потеха: во всём доме – ни корки хлеба!

Малец запил завтрак, а скорее, уже обед, водой, подставил к окну стул и стал смотреть на улицу. Народу двигалось немного, и всё это – тётеньки. Очень редко нетвёрдой походкой проходил дяденька. Наблюдатель не знал, что дяденьки по утрам разъезжались по дальним вахтам, иные – на неделю, а то и на месяц-другой. Потому что в Лаптевке лишней работы не имелось. Неожиданно, что-то вспомнив, он поспешно слез со стула. Ведь можно сходить в магазин и купить! Что же купить? Печенья и молока! У него помутилось в глазах, но идея придала сил. В магазине нужны деньги, но у него где-то они есть! Бабушка оставляла ему в свой недавний приезд, как и всегда. Уже давно она подарила ему кошелёк и, вложив туда зеленовато-голубую бумажку, сказала:

– Ну, с днём рождения тебя, Коленька! Тортик на столе, а это тебе на твои расходы. Пусть деньги у тебя никогда не переводятся!

– Что нужно сказать бабушке? – спросила мать.

– Спасибо! – поблагодарил он, имея в виду торт и сразу забыв о тысячной купюре.

– Я буду приезжать и помогать тебе, – сказала бабушка. – А ты учись считать деньги!

Бабушка, как объяснила мать – это мама его отца. Малый смутно помнил громогласного крупного человека, который при ходьбе скрипел половицами и иногда качал его на ноге, держа за руки. Но человека этого давно уже нет. А бабушка иногда приезжает, всегда с гостинцами и непременно кладёт в подаренный кошелёк какие-то деньги.

Он нашёл этот самый кошелёк и открыл его. Пусто! Ничего внутри не было. Вспомнилось, как мать открывала кошелёк, доставала из него бумажки и говорила :

– Я пойду, куплю тебе пряников.

И точно: она приносила пряники и колбасу, а потом надолго исчезала. Он заплакал, включил телевизор и лёг на кровать. Под восхищённое бормотание диктора несостоявшийся покупатель уснул. Проснулся уже затемно. Пустая квартира давила и опять стало страшно, хотя во всех комнатах горел свет и булькал телевизор. Надо идти. Но не к соседям – они не любят его мать, да и его самого. К бабушке! У неё есть молоко или горячий чай. Может быть, есть оладьи, которые она привозила в каждый приезд. А ещё она говорила, что у неё есть кот. К бабушке!

***

Ферапонтов ехал по слабо освещённой улице, внимательно глядя на дорогу, изобиловавшую ямами. Для его автомашины, урождённой японской «Тойоты» с относительно малым клиренсом это являлось жизненной необходимостью. Несмотря на такое бдение, он заметил за обочиной карапуза, в косо застегнутой на одну пуговицу куртке, который в нерешительности топтался на месте, озираясь по сторонам. Время было позднее, и Ферапонтов остановился. Карапуз прикрыл рукой глаза от яркого света фар. Хрустнул замок открываемой дверцы.

– Аллю, приятель, ты далеко ли собрался, на ночь глядя?

Малец потупился и вытер рукавом глаза.

Ферапонтов наклонился над ним, легонько потряс за плечо:

– Юноша, я спрашиваю, куда идёте?

– К бабушке, – наконец, нетвёрдо отвечал ночной путник.

– А это где, недалеко?

– Она в делевне.

– Что ты говоришь! В деревне. Это же... А в какой?

– В делевне, – прозвучал безнадежный ответ человека, сражённого тупостью собеседника.

Тот крякнул и почесал затылок.

– А зачем же ты к ней ночью и один?

– Никого нет. Жанна ушла. – Малец всхлипнул.

– Жанна – это кто? Сестра твоя?

– Мама.

– Час от часу... Так и больше никого дома нету?

– Нет.

– Подожди, дай сообразить... А где твой дом-то?

– Я туда не пойду. Там никого нет. Хочу к бабушке.

– Ладно, ладно. Ты не заходи в дом, только покажи его. Я быстро зайду и посмотрю.

А потом мы что-нибудь придумаем. Так? Ну, пойдём, покажи. Не ночевать же нам тут на улице.

Дом оказался рядом. Даже в темноте заметно – неухоженный. Внутри не лучше; но главное, в нём действительно никого не было. Маленький хозяин стоял в дверях, но не заходил.

– А давно ушла эта... Жанна? Сегодня, вчера?

– Вчела, – подумав, ответил тот. – Давно.

– Ага, – понятиливо сказал Ферапонтов. Тогда ведь ты есть хочешь? Мы давай поедим ко мне, попьём чаю, вздремнём, а утром будем искать бабушку. Хорошо?

Ответа не последовало.

Ферапонтов торопливо достал блокнот, вырвал листок и написал: «Ребёнок в гостях у Ферапонтовых. Улица Красных бунтарей, 28». Из Ферапонтовых по указанному адресу проживал только он сам, но кому какое дело? Телефон записывать не стал. Сунул записку под стакан на столе, выключил везде свет и взял за руку нового знакомого:

– Поехали!

У себя дома он включил газ, поставил сковороду и чайник.

– Раздевайся! – скомандовал гостю и расстегнул пуговицу куртки, с которой не могли справиться замерзшие пальцы её владельца. – Да не дрейфь! Молока у меня нету, но остальное почти всё есть. – Тебя как звать-то?

– Коля.

– О! Николай, значит. Выходит, мы тёзки – я тоже Николай. Ну, будем знакомы. За знакомство выпьем чаю, а уж как следует – чуть погодя, лет через 20. Идёт?

Ферапонтов, пока жарилась яичница с колбасой, намазал маслом краюху хлеба и вручил малому Николаю, усадив его за стол. Сейчас же был подан и чай с кусочками сахара. В мгновение ока угощение было съедено; явный недостаток его гость возмещал чаем, захлеб опустошая объёмистую кружку.

– Мать честная! – старший Николай поспешно вытряхнул содержимое сковороды в металлическую миску, два раза окатил холодной водой – студить естественным путём не позволяла ситуация – и подал на стол. Не так скоро, как бутерброд, но и яичница была без остатка съедена.

– Ну, пожалуй, пока хватит, – решил Ферапонтов, с сочувствием глядя на гостя. – А то как бы тебе не сплехло. Ты пока передохни, а потом можно опять закусить.

Тот не отозвался: он дремал, всё ниже опуская голову на грудь. Ферапонтов осторожно поднял его и уложил на диван. После поджарил яичницу себе и пил чай, нецензурно ругался вполголоса, качал головой и хмыкал. Сполоснув стаканы, он тоже отправился спать.

***

Утренний ветер, даже если он с юга – всегда холодный. Сергей Вешкин, делавший зарядку утром на улице и планировавший затем окатиться холодной водой, от последней затеи отказался. Всеми своё время – он и зарядку-то начал делать только неделю назад. А эта мокрая вода... хотя днём-то вполне можно ополоснуться или, ещё лучше – искупаться в реке. Песчанка, в зависимости от времени года, зовётся то рекой, то речкой. В пору половодья и затяжных осенних дождей это, конечно, река, мощная и сокрушительная. Когда перепадают хорошие летние дожди, она тоже прибывает – но ненадолго. Во всё остальное время это просто речка, временам роняющая статус до уровня ручья. Хотя на картах и дорожных знаках указывается «р. Песчанка». Становится понятно, что раз «Песчанка», то, выходит, река. Хотя иной раз и ручьи бывают женского рода. Сергей уж четвёртый год трудится в седьмой средней школе Нагорного, преподавая историю. В целом всё неплохо, если не считать недостойной настоящего джентльмена зарплаты. Но настояли на учительстве родители, хотя сами они учительством не занимались и считали работу в школе чем-то сродни клубу по интересам. Отец, строитель, и слышать не хотел, чтобы сын пошёл по его стопам.

– Да ты что? Архитектором – ещё куда ни шло. А тут приходится бегать по заказчикам, по субподрядчикам, с одних выбивать материалы и финансирование, чтобы платить зарплату, с других – чтобы они делали быстро, очень быстро, но качественно. Требования несовместимые. А сдача – приёмка законченных объектов? Они никогда не бывают законченными на сто процентов, хотя все сроки прошли. Приходится пресмыкаться перед приёмной комиссией, распухшей от откатов. Это при том, что в смету подрядчик почти никогда не укладывается, потому что пока идёт строительство, материалы дорожают, плюс всякие накладки – то да сё. Тьфу! Зачем тебе лысеть раньше времени и язву наживать?

И верно: старший Вешкин с утра до вечера обретался на объектах, в авральные поры – едва ли не круглые сутки. Несмотря на руководящую должность, живота он так и не нажил. Но зато получал достаточно хорошие деньги. Однако это, по его словам, слабый аргумент. Сегодня они идут, а завтра – вилами на воде... Вдобавок ещё и здоровье потеряешь, и на кой тогда бонусы – на таблетки? Что имело веское обоснование, ибо Вешкин заработал инвалидность и трудился уже в более спокойной должности, хотя и ездил в недалёкие командировки. В эти дни он укреплял организм на курорте. Отца в вопросе жизнеустройства Сергея безоговорочно поддерживала мать, которая работала администратором в кафе и, разумеется, не желала такой доли сыну, более всего опасаясь зелёного змия, который в подобных местах имеет замечательно успешную охоту. При этом оба упирали на то, что дедушка Сергея работал учителем истории и пользовался во всей округе крупным уважением. Поскольку большинство старших жителей Нагорного когда-то училось у него.

– Ну ладно, – согласился Сергей, не обнаруживавший склонности ни к какому роду деятельности, но много слышавший про деда. – Учителем, так учителем, истории – так истории!

По крайней мере, один-то плюс имелся в учительской службе: солидный летний отпуск. Как раз им и пользовался учитель истории в эти замечательные последние летние дни. Он забирался вверх по реке до низины, где русло разделялось на несколько рукавов и стариц, образуя целую гирлянду малых и больших озёр. Тут имелись и роскошные болота, где среди густой осоки и камыша паслись небольшие, но тяжёлые сазаны и медлительные караси. Тут же охотились и окуни со щуками. Но взять и тех и других было непросто: сети не поставишь, а червяков и другую наживку обитатели болот игнорировали совершенно, обходясь каким-то блюдами болотного происхождения. К тому же снасти путались в траве, что выводило рыбака из себя, как ничто другое. Даже неистребимый гнус так не досаждал.

– А, чтоб вы треснули! – ругался человек, упустивший в водяной растительности упитанную плотву, которая, считай, была в руках. И он давал себе пощёчину, насмерть убивая зазевавшихся комаров, на смену которым дружно спешили другие. Когда вдобавок ему слу-

чалось сделать неловкий шаг и набрать полный сапог воды, остервенение достигало предела и проклятое место покидалось.

Сергей приноровился добывать рыбу и здесь. Он соорудил небольшую корчагу и забрасывал её в самую гущу травы, где поглубже. После уже с двумя-тремя удочками или спиннингом отправлялся на ближайшее озеро. Караси, как и чебаки, славились тут своими капризами – днём они нипочём не хотели клевать; другой раз не клевали даже утром и вечером. Сазаны вообще попадались страшно редко. Но с этим уж ничего поделать было нельзя: рыба, она себе на уме. Тут ещё и метеоусловия. Лишь окуни могли похвастать некоторым постоянством, и если оказывались поблизости, то уж непременно клевали. Закончив активную ловлю, Сергей возвращался к корчаге. Вытряхнув на берегу содержимое, обязательно находил десяток плотиц, а иногда к ним в компанию мог затесаться ещё и карась.

– Ах вы, мои голуби! – приговаривал рыбовод, отправляя улов на траву. – Голубчики! Не могли, что ли, подрасти побольше-то? Жулики!

Рыбы на оскорбления не отвечали и норовили скакнуть в воду, которая тут и там хлюпала под ногами. Некоторым это удавалось, но не всем, нет, не всем. Погрузив добычу в рыбацкую сумку, ловец вновь забрасывал корчажку в бочажину – до завтра.

Нынче летом дождей почти не случалось и болота поусохли, выставив на обозрение вязкое илистое дно. Сняв недостаточно высокие сапоги, Вешкин со своей корчажкой двинулся по липкой грязи к ближайшей воде и, найдя подходящее место, закинул снасть. Болотная часть вылазки наполовину завершилась. Озёра пока что заметно не обмелели, и тут имелась возможность рыбачить, не покидая берега. Но клёва не случилось: погода портилась, ветер гнал мелкую рябь, надвинулись тяжёлые тучи, напитанные дождём, которого так ждали фермерские поля. Понапрасну потеряв часа полтора драгоценного отпускного времени, Вешкин решил сматывать удочки. Прикинув, стоит ли сейчас лезть в холодную, вязкую грязь, решил, что обязан это сделать, поскольку иначе вернётся домой ни с чем. Удача, однако, в этот день совсем отвернулась от него: корчажка принесла лишь одного недоросля-ельца, которого тут же отправили в болото. Несмотря на плачевные результаты путины, настроение у Сергея Вешкина несколько не испортилось: впереди ещё целых десять дней августа. Да и не рыбалкой единой...

И в самом деле: молодой историк заочно учился в аспирантуре, что тоже требовало времени и определённых усилий. Сегодня он решил ещё раз посмотреть старые книги по истории, оставшиеся от деда. Среди них имелась и ничем не выдающаяся, в сером коленкоровом переплёте, с очерками об известных благотворителях. Помещалось на страницах книги и групповое фото этих самых благотворителей, числом семь. Видимо, они не чурались кроме славы богатеев и славы меценатов. Ничего особо примечательного во всём этом не виделось, если не считать упоминания о том, что один из них, будучи уличён в казнокрадстве в пору работы городским головой, спешно бежал за границу. И успел прихватить лишь небольшой багаж. Нажитое торгом и воровством он якобы схоронил на месте, что не вызывало сомнений – не уничтожил же он богатства? Понятно, предполагалось забрать их позже, но наблюдение за сестрой и двумя братьями его ничего не дало, а сам он, по достоверным сведениям, на родину не возвращался. Может быть, воспользоваться сокровищем мыслилось в более отдалённой перспективе, но в скором времени все трое, уже весьма престарелые люди, скончались, последним отошёл в мир иной сам казнокрад-благотворитель. Однако всё нажитое должно пойти на благотворительные цели. Такое было заграничное видение Козлову, и таков его завет. Да и коли эти люди слыли благотворители – ну, пусть и останутся благотворителями. Несмотря на казнокрадство. Козлов отправил своему другу Вешкину вещь, в которой имелись указания о месте пребывания клада. Вещью этой оказалась книга, которая уж при любом просмотре на границе никак не могла вызвать подозрений, особенно среди пачки других. Дед Сергея книгу, оставшуюся от своего отца, хранил, присовокупив её к тем, что впоследствии приобрёл для расширения круга исторических знаний. Не очень активные попытки старого учителя раскрыть сек-

рет книги не увенчались успехом. Да и времени не доставало: работа, семья, охота и рыбалка... Не для баловства – для пропитания.

– Ну, Сергунька, – сказал он однажды внуку, – сохраняй эту книгу. 50 на 50, что в ней действительно скрывается такой секрет. Из этих оптимистических 50-ти – 50 за то, что богатство ещё никто не прибрал. В общем, некоторые шансы есть. Но тут уж как повезёт. Бросать всё ради поисков его не стоит. Книга и сама по себе не безделица – библиографическая редкость. Вышла малым тиражом, после революции переиздавать её никто не собирался: кому нужны рассказы о толстосумах – якобы заботниках народных? Тут есть ещё одна, похожая – «Честь и достоинство. Славные имена России». Тоже неплохая вещь, но без секрета. И не такая редкая.

– Но если Козлов поручил это дело другу, то уж, наверное, передал и натурально, где таятся сокровища. Почему же их не отыскали и не пустили на благо? – спросил внук.

– Я и сам об этом думал. И сдаётся мне, что для блага время тогда ещё не пришло. Власть менялась. Белые и красные. Отдать золото одним – они купят пулемётов и маузеров, отдать другим – они купят маузеров и пулемётов. Какое уж благо! Скорее всего, батя решил дождаться лучших времён. Козлов, наверное, то же самое имел в виду, когда встроил в книгу своё завещание. Если оно там есть. Но отец не сомневался в этом, наказывая хранить её. «Чуть подрасти, – говорил он, – я тебе объясню, что за секрет». Но объяснить не успел: умер от тифа, когда был призван на строительство дороги.

Сергей достал книгу «Достойные люди Средней полосы», повертел в руках, снова, в который уже раз, перелистал страницы, числом более трёхсот, силясь проникнуть в мысли мецената. Единственное, что привлекало в ней внимание – фотография семи человек, четверо из которых в переднем ряду сидели, а ещё трое стояли за ними. Лица у всех напряженные – видно, им очень долго приходилось выдерживать статичную позу, не кашлять и не моргать. Солидные люди, сразу видно. Все поименованы. Вот и главный герой, сидит крайний справа – Козлов. Остальные шестеро, как и он, ничем не выделялись, если не считать высокого человека с трубкой. Сто лет... Но ребус, безусловно, занимательный. Хотя до пенсии Сергею ещё далеко.

Никаких пометок в книге не имелось, как не нашлось и загнутого уголка страницы, ни одна не была надорвана или продырявлена. Лишь на форзаце пристроилась краткая записка: «Сиживал!» Словечко-то какое!». Словечко и вправду попало давнему читателю роскошное, былинное. Но что из того? Больше никаких знаков. Головоломка что надо! Выход оставался один – прочитать произведение – вдруг отыщется нечто вроде особо выделенного географического пункта или ещё что-то в этом роде?

Чтение, на которое он потратил три вечера, не дало никакого результата.

– Или я тупой, или меценат слишком уж умный! – с досадой воскликнул молодой Вешкин и отложил книгу, раскрыв её на странице с фотографией. Ему показалось, что застывшее лицо Козлова на миг вдруг издевательски скривилось в ухмылке. Но остальные хранили прежнее выражение. Выдержка у них, надо признать, замечательная. Недаром каждый сколотил состояние.

Исследователь утомлённо откинулся на спинку кресла, и некоторое время сидел так, бездумно глядя в потолок. Родители уже спали. Он мягким шагом прошёл на кухню и выпил полбутылки пива. Отправляясь спать, Сергей не переставал думать о коварной книге, которая намерилась лишить его покоя. Конечно, он не мисс Марпл, но всё-таки историк! Кому же, как не ему, докопаться до истины? Нужно будет завтра влезть в Интернет. А пока он положил «Достойных людей...» под подушку. Может быть, во сне явится ему разгадка? Как, например, Менделееву? Хотя студенческий опыт подсказывал ему, что это всё-таки зряшная затея. И, уже засыпая, он вдруг подскочил, как ужаленный: «сиживал!». Козлов «сиживал»! Вот оно! Сейчас же Сергей схватил книгу и принялся искать место, где фигурировало это «замечательное словечко». И нашёл – не прошло и полчаса. Несколько строк обрамляли его: «Козлов с возрас-

том всё чаще наезжал в Долгое, где прошли его детские годы. Здесь, возле старой родительской избы устроил он каменную беседку вроде часовни. В ней сиживал подолгу, отдавшись своим мыслям. Его никто не беспокоил – он запретил близ своей беседки всякие работы и суету. Посажен был лишь куст сирени. Дальние родственники, пользовавшиеся избой, присматривали за беседкой». Стало быть, решил Сергей Вешкин, городской голова, несмотря на всю свою занятость, в конце службы навещал Долгое. И устроил каменную беседку. И запретил подле всяческую хозяйственность. И сиживал. Наконец-то стало всё понятно. Оставалось определить, где находится это Долгое. Сергей слышал о нём, знал, что оно где-то в границах области. Дальнейшее выяснение местопребывания села не представляло особого труда. По карте выходило, что до него от Трёхречного примерно 120 километров, то есть от Нагорного – за 200. Не слишком великое расстояние. Если всё удачно сложится, можно обернуться за день. Он решил отправиться в Долгое послезавтра, поскольку требовалось сделать некоторые приготовления.

На следующий день, вопреки ожиданиям фермеров, дождя не случилось – за ночь многообещающие тучи рассосались и утро встретило Сергея Вешкина теплом и безмятежным покоем. Наскоро перекусив, он накопал червей, собрал снасти и поспешил на рыбалку, которая обещала быть в такое утро просто замечательной. И верно, клёв начался, едва лишь он сделал первые забросы. Правда, клевали мелкие ёршики, иногда ельцы, но движуха выдалась настоящая. Особенно часто шли поклёвки на две удочки с самодельными поплавками – неизвестно, почему. По мере того, как поднималось солнце, клёв ослабевал, а скоро и почти совсем прекратился. Только тогда рыболов снял, наконец, промокшую от поту рубашку и разложил её на траве для просушки.

– Ну, вот, – удовлетворённо сказал он самому себе, – не всё же невезенье, должно в отдельные дни везти и учителям!

В рыбацкой сумке его, а больше – вокруг неё навалено было полведра рыбьей мелочи, при том, что самую мелкую Вешкин великодушно отпускал тут же по поимке.

Обогрело, и стало возможным лезть в воду, то есть в грязь, что он и сделал, вновь сняв сапоги. Корчажка принесла полдюжину ельцов. Вполне достаточно, ведь предстояло ещё чистить всю эту мелкоту. Сергей даже пожалел, что не отпустил на волю основную часть своего улова. Он пополнил запас провизии в корчажке куском хлеба и вернул её на место, в холодную прозрачную воду, отстоявшуюся за долгое время без дождей.

Настало время для дела: предстояло приготовить обед для себя и родителей, которые отобедают его блюдами, возможно, только вечером. Затем, с некоторым перерывом, последует лёгкий ужин. Пока младший Вешкин бывал занят в школе, обед до начала работы готовила мать – потом его оставалось только разогреть. Сама она приезжала подкрепиться, когда в кафе случалось затишье, то есть в основном пила чай. Отец обедал дома чаще, когда не уезжал на объект.

Открыв цифровой замок, он вошёл в прихожую и остановился в изумлении, выпустив из рук мешок с рыбой, затем вбежал в гостиную. Возле книжных шкафов в беспорядке валялись книги, иные оставались на полках, рассыпанные в беспорядке, имелись отдельные экземпляры, поставленные на место, но вверх ногами. По всему было видно, что здесь успели похозяйничать непрошенные гости. Колыхалась чуть заметно штора на окне и хозяин тут же заметил, что одного стекла не хватает. Скорым шагом Вешкин подошёл к окну и отдёргнул портьеру.

– Х-ха! – раздалось из-за неё, и тотчас же сокрушительный удар в скулу опрокинул его на стоявшее рядом кресло, отчего и он сам, и предмет мебели свалились на ворох разбросанных книг. Краем глаза пострадавший заметил тень, скользнувшую через дыру в окне наружу. Туман в голове рассеялся, и Сергей потрогал горящую скулу.

Замечено, что если утро начинается с положительных событий, до вечера обязательно случится пакость, или наоборот. Баланс тут нарушается редко. Другое дело, когда надвигается целая полоса – чёрная, или белая. Они могут тянуться неопределённо долго и выбраться из них непросто, хотя из светлых мало кто желает удалиться. Сергея Вешкина настигла заурядная дежурная неприятность, хорошо бы – и последняя в этот день. Он поднялся и посмотрел в окно: никого. Принялся изучать оставленные грабителем следы: их не обнаружилось, поскольку неистовое солнце высушило всю грязь в округе, и лишь пыль могла бы что-то объяснить, но и пыли-то тать не оставил. Отпечатки пальцев? Может быть, но это после. Хлопнула дверь, и на пороге появилась мать.

– Батюшки светы! – всплеснула она руками при виде погрома. – Это что?

Сергей, начавший было собирать печатную продукцию, пожал плечами:

– Попытка ограбления. Или состоявшееся ограбление. Надо посмотреть.

– Ой, а что это у тебя с лицом? Ты подрался?

– Не успел.

И он рассказал, как было дело.

– Что же пропало? Что они искали? Ну конечно, деньги. Ведь многие прячут их в книгах.

– Пожалуй, – согласился сын. – Что ещё можно искать в книгах? Сами-то они слишком большой ценности не представляют. Хотя... – он запнулся и потрогал опухшую щеку. – Надо посмотреть.

И он приготовился собирать многочисленные тома художественной литературы, некогда купленные родителями в обмен на сданную макулатуру, книги отца по строительству и свои – по истории. Всем этим достоянием пользовались ныне крайне редко – в случае нужды призывали на помощь интернет. Особенно печальной оказалась участь романов, повестей и рассказов – нужда в них как-то незаметно отпала, и в последний раз к художественной прозе прикасался, наверное, только Сергей, когда читал сказки, да писал школьные сочинения по Гоголю и Толстому. Тому уж много лет. Библиотеки прозябали. Может, по привычке продолжали читать, и ещё много читали бы граждане старшего поколения, да зрение не то. Молодёжи вообще до увесистых томов нет дела.

Сергей вспомнил директора, который сокрушался по этому поводу:

– Суевливый мужик пошёл, лихорадочный. Всё рвётся куда-то, всё копытит, норовит чего-то ухватить. Я уж молчу про женскую половину. Детишки туда же, ещё шибче. Особенно гаджеты эти достают несчастные, со стрелялками. Ну, ты поиграл полчаса-час, наворотил гору трупов – поди, футбол погоняй, возьми в руки книгу, запишись в кружок! Нет! Если уж в кружок, то только где учат, как с нуля за месяц стать миллионером. А плата за обучение – как раз под силу только миллионерам. Где Пушкины, Чернышевские? Где Кулибин? Нет их!

Сергей поспешил вдруг в свою комнату, сунул руку под подушку, за неимением времени утром прикрытую наспех покрывалом – и извлёк «Достойных людей...». Уже хорошо – с ними ничего не случилось.

– Голова не болит? Не стяхнулась? – встревожено спросила мать, собираясь тоже приступить к наведению порядка.

– Нет, мало каши ели.

– Надо звонить в полицию! По горячим следам...

– Так сначала посмотрим, чего не хватает.

– И верно. Совсем меня заморочили! – и она проворно начала обследовать все места, где хранилось хоть что-то ценное. Но всё было как будто на месте

– Странно. Даже деньги сохранились. Может, до них не успели добраться?

– Может быть. Но книги-то старательно перетрясли.

– Да. Ни одной, кажется, на месте не осталось. Может, помешанный какой, маньяк книжный? Бывают же там книжные жучки, всякие моли...

– Это вряд ли. Библиофоб отмороженный их бы спалил, изорвал в крайнем случае.

– Что ты говоришь! Это нам совсем ни к чему!

За расстановкой книг прошёл обеденный перерыв, и администратору кафе приспело время возвращаться на работу. Присев перед дорогой, она обвела взглядом вновь приведённые в порядок книжные полки:

– Ведь, кажется, всё на месте?

– Не совсем. Не хватает родственницы вот этой книги, – отозвался Сергей. – Которая о меценатах. «Достойные люди средней полосы», а та – «Честь и достоинство. Славные имена России». Вот она пропала.

– Что ты говоришь? Кому же понадобилось её красть? Со взломом? Могли бы попросить. Сергей пожал плечами.

Проводив на работу мать, он занялся рыбой, про которую в суматохе совсем забыл и над которой уже реяли мухи. Почистив несколько самых крупных рыбёшек для ухи, всю остальную мелочь он освободил только от потрохов, сложил в эмалированную утятницу и посолил. Сравнительно быстро и надёжно. Через пару дней рыбёшкам предстояло вялиться – отличная получится закуска к пиву. Хоть расправлялся он с рыбой по упрощённой схеме, времени на всю работу ушло порядочно, и подоспела пора перекусить. С этим Сергей управился тоже довольно быстро. Поджарив на солёном сале пару яиц и подогрев чай, он осуществил трапезу, почти не заметив вкуса того, что ел. Мысли то и дело возвращались к налёту на семейный книжный фонд. Кому понадобилось красть труд столетней давности о делах, ещё более старых? Если это связано с легендой о кладе мецената Козлова, то почему упёрли совсем другую книгу? И занялся этим подлым делом некто всерьёз: ведь надо выбрать момент, когда никого из хозяев нет дома, а для этого требуется наблюдение. Не полез же этот лихоимец наобум? Или полез? Ведь о каком-то предупреждении относительно их возвращения он не позаботился? Совсем отмороженный или уж так припёрло? Дела!

Между этими размышлениями молодой Вешкин варил уху, засыпав поначалу в кастрюлю крупу, а когда она малость поварилась – картошку. Рыбу следовало загружать в последнюю очередь: ельцы могли совсем развариться, это тебе не окунь. Наконец, уха, сдобренная приправами, поспела и он решил снять пробу, не откладывая. Блюдо удалось на славу, хотя приходилось есть, дую на ложку и обжигаясь. Покончив со вторым обедом, Сергей занялся мытьём посуды, оставшейся с утра и дополненной его недавними стараниями. Этот несложный труд потребовал-таки времени. Взглянув на часы, он машинально отметил про себя, что у домохозяек остаётся не так-то много досуга для ничегонеделания.

Скоро прибыли родители. Приход отца ничего не прояснил в странном случае с кражей книги. Он ума не мог приложить, кому понадобилось учинять такое свинство. Пришлось остановиться на версии Сергея: похищение устроено с целью раскрытия секрета меценатов. Но кто же задался ею спустя век после того, как это следовало делать? Дичь!

– Ну, я уж голову ломать над этим не стану, – заявил отец, – есть другие заботы! А ты, пока на досуге, поразмышляй. Вопрос по профилю.

– Уже размышляю, – заверил сын.

На следующее утро, чуть свет, Сергей отправился на автостанцию, теперь уже совершенно убеждённый, что с поисками меценатовских ценностей надо торопиться. Первая маршрутка отправлялась в город в шесть часов и к началу рабочего дня, когда здесь началась самая толчея, он успел купить билет на рейсовый автобус, который шёл через Долгое. Успешный старт этого дня обнадеживал. В отличие от озабоченного аспиранта-историка пассажиры автобуса в большинстве своём выглядели беззаботными гуляками, да и ничего удивительного: они ехали на отдых. Последние деньки лета, согласно прогнозу, обещали быть погожими. Надо успеть искупаться, позагорать, порыбачить, собрать, сколько получится, грибов и поздних ягод, да просто подышать лесным воздухом. Блаженство! В предвкушении замечательного времени

многие счастливо задремали. Сергею Вешкину, несмотря на то, что встал он, наверное, раньше всех, не спалось. Он прокручивал в уме различные варианты действий по обнаружению клада. Главное, конечно, чтобы таковой сохранился, уж добраться до него Сергей как-нибудь сумеет. На миг он пожалел, что не захватил с собой лопату, но тут же сообразил, что перемещаться по селу с шанцевым инструментом заезжему человеку несколько неуместно. В случае чего, лопату можно и купить – не проблема. Сначала следует отыскать беседку, потом уже можно составить конкретный план действий. Плохо, что он не продумал, как же провести отчуждение клада от села Долгого, буде тот окажется слишком велик и тяжёл. Непрост и чреват путь кладоискателя!

В предусмотренный населённый пункт Сергей Вешкин прибыл к обеду, но обед не занимал в его планах первостепенного значения. Ещё по выходе из автобуса он справился у одного из выходящих здесь же пассажиров, где можно найти местный музей, школу, а также дом культуры. Ближе всего оказалась школа, куда и направился раньше всего прибывший в Долгое гость. Удачно начавшийся день продолжал радовать: в школе шли последние приготовления к учебному году и историк оказался тут. Но пришлось подождать полчаса, прежде, чем он освободился. Прибывший выразил восторг по поводу такой дружной вахты шкрабов накануне Дня знаний. Коллега, в свою очередь, восхитился рвением Вешкина в краеведческой работе и рассказал о меценате Козлове всё, что знал. К сожалению его самого, а пуще, конечно, гостя – знал он немного. Но сопроводил Сергея в школьный музей, где среди прялок, старинных самодельных аппаратов, ухватов, колыбелек, веялок, рогов буйволов и засушенного хвоста шуки размахом едва не в полметра обнаружилась и старинная фотография каменной беседки мецената Козлова. Но где она находится или находилась, сказать не мог, поскольку ещё не все местные достопримечательности успел изучить – он проработал в местной школе всего лишь год.

– Но я могу свести вас с нашим старым учителем истории, – предложил новый знакомый. – Годится?

– Это придётся очень кстати.

– Тогда я звоню!

И звонок тут же состоялся. Поблагодарив коллегу и пригласив в Нагорненскую школу в гости, Сергей Вешкин без промедления отправился к патриарху. Ветеран педагогики встретил его по-деловому: узнав о цели визита аспиранта, принёс тяжёлый том с рукописными записями в крепких картонных корках и принялся листать его с конца. После четверти часа скрупулёзных трудов он обнаружил искомое.

– Вот что, – сказал старый учитель, просматривая нужную запись, – дом, при котором стояла часовня Козлова, сгорел в начале 50-х. Долгое время там никто не строился и со временем на его месте соорудили гараж на три трактора. Когда пошло строительство машинных дворов и мехмастерских, этот гараж забросили.

Он почесал бровь и закончил:

– А лет восемь назад на месте гаража построили сельский КСК – культурно-спортивный комплекс то есть. Снесли и беседку. Сейчас на том участке большое здание из бетона и стекла. При нём стадион. Вот всё, что я могу сказать. Да вы можете побывать там, посмотреть всё своими глазами. Для полного представления о предмете.

– Я так и сделаю. Интересно, а этот КСК строили, может быть, при помощи каких-то спонсорских денег? Благотворительных?

– Ну что вы, друг мой! У нас нынче Козловых нет. Выбивали госфинансирование, и получили, хоть и не сразу. Не сразу. Но получили.

Вешкин, пребывая теперь уже в подавленном настроении и пеняя неудачному дню, всё-таки отправился на освидетельствование культурно-спортивного комплекса. Да, всё так и есть: мощное железобетонное здание непоколебимо устроилось на месте родового уголка меце-

ната Козлова, и не виделось никакой возможности его подвинуть. В горестном размышлении постояв несколько минут возле, и обойдя строение кругом, Сергей взял курс на автостанцию.

***

Николай Иванович Ферапонтов поутру предпринял вполне адекватные и активные действия. Дождавшись пробуждения своего несовершеннолетнего гостя и осведомившись о качестве ночёвки, он первым делом напоил его чаем, для основательности угостив варёной сосиской, а затем повёз к покинутому дому. Там ничего не изменилось: записка, оставленная вечером, так и лежала под стаканом; холодно и пусто.

– Я зайду к соседям, – сказал Ферапонтов, – ты со мной или подождёшь в машине?

– Я к ним не пойду, – понуро опустил голову карапуз.

– Стало быть, жди здесь. Думаю, я недолго.

И верно, долго ему обретаться в соседском доме не пришлось. Встретившая его хозяйка, дородная, но проворная женщина, узнав о цели визита, всплеснула руками:

– Даже и слышать о них не хочу!

– Что так?

– Да как же: день и ночь там шалман, когда Жанна дома. Пьют, курят, того гляди, сожгут! И, себя, и нас заодно. Когда мужик был, ещё туда-сюда, а не стало, совсем с катушек слетела! И пацанёнок без присмотра.

– Вот как раз о нём-то речь. Вечером, уже поздно, я подобрал его на улице. Дома – никого. И теперь...

– Нет-нет-нет! Я этим делом не хочу заниматься! Есть спецслужбы – пусть занимаются!

Попытки Ферапонтова навести более полные справки потерпели фиаско. Хозяйка надвигалась на него, как баржа, сорвавшаяся с якоря, и путь к спасению оставался один – безусловное отступление.

– Вот нашли справочное бюро! – неслось ему вслед. – Есть спецслужбы, они деньги за это получают! Почему страдать должны нормальные люди?

Слышавший окончание тирады малолетний сосед испуганно посмотрел на подошедшего Ферапонтова, но ничего не сказал.

– Ну что же, друг мой тёзка, – обратился к нему Ферапонтов, – первый блин, как ему и положено... К прочим соседям обращаться уж не станем. Ведь не станем? Ситуация в целом ясна. И поедем-ка мы напрямик в администрацию нашего славного поселения. Там вряд ли есть кто-нибудь из спецангентов, но облечённые должны сыскаться. Ты как?

Его пассажир хранил молчание, и это молчание ясно говорило, что ничего хорошего он уже не ждёт. Хорошее закончилось вместе с кратким гостеванием его у этого большого Николая.

Главы на месте не оказалось, но заместитель нашёлся.

– О-о! – поднял брови молодой муниципальный служащий, – это у нас кто? Николай Иванович, у вас внук появился?

– Внуком пока не обзавёлся. А вот этот юный гражданин остался без присмотра. Подобрал вечером на улице. Дома – никого. Вот она и проблема.

– Ты чей же будешь? – протянулся над столом хозяин кабинета. – Как тебя зовут?

– Коля, – нарушив обет молчания, безнадёжно бросил гость, отстраняясь.

– А фамилия? Как твоя фамилия?

Ответа на этот раз не последовало, и молодой столоначальник вопросительно посмотрел на Ферапонтова.

– Улица-то Косая, дом 16. А фамилию не знаю, не сказали – соседка там оголтелая.

– Клавдия Сергеевна, – высунувшись в коридор, позвал громко муниципал, – зайдите на секунду!

Клавдия Сергеевна, дама в годах, но по всему видно, деятельная и стопроцентно осведомлённая, тут же определила семейную принадлежность дитяти.

– Так это же Жанки Киселёвой сын! Ведь собирались забрать в опеку, да так и не собрались. Где не надо – быстро! У них бабушка есть, да бабушка старая, за ней самой пригляд нужен. У нас-то Петрова за этот сегмент ответственная, так на больничном же, вторую неделю. Вы, Игорь Петрович, знаете. Тебя маленький, как? А, Коля? Коля, есть хочешь? Попьёшь чаю?

Ферапонтов облегчённо вздохнул:

– Ну, я пойду. Пока, Николай! Ещё увидимся!

Поименованный Николай едва сдерживался, чтобы не расплакаться. У Ферапонтова на душе скребли кошки, но имелось спешное дело, и он тихо вышел из начального кабинета.

***

Дело заключалось в телефонном звонке, последовавшем утром из Москвы. Звонил старый знакомый и, можно сказать, довольно близкий родственник – шурин, с которым в силу географической разобщённости встречаться приходилось крайне редко. С учётом того, что звонок последовал в девять утра, в Москве, стало быть, часы только пробили семь. Видно, уж действительно дело неотложное – звонивший так и сказал. Но Ферапонтов, связанный по рукам и ногам сыном Жанки Киселёвой, заявил, что сейчас страшно занят, и перезвонит попозже, лишь только освободится. Сергей Бугаев в Москву уехал на жительство давно и, по всему выходило, устроился там неплохо: как-то он прислал Ферапонтову на день рождения засушенную голову карликовой обезьянки, которая стоила большущих денег. Это знающие люди сказали имениннику потом. В ответ он в урочный день отправил приятелю любовно исполненный макет двигателя внутреннего сгорания с одним цилиндром, который исправно работал и бешено ревел, поскольку не имел глушителя. После связи между Лаптевкой и Москвой ослабли, практически даже прервались – домашние, служебные заботы, то да сё. Да и всё-таки с Анастасией Ферапонтов уже состоял в разводе. Её брат перетащил со временем в столицу, вместе с детьми. В Трёхречном, где прежде жили Ферапонтовы, осталась только пустая квартира. Поскольку сам Николай Иванович ещё раньше отбыл в родную Лаптевку, чтобы освободить от себя семью. Квартиру он впоследствии продал, а деньги переслал Анастасии. Уж лет восемь прошло. С её братом Ферапонтов не общался, наверное, три года. И вот Бугаев позвонил. Надо же!

– Серёга, ещё раз привет тебе, подпольщик! – воскликнул Ферапонтов, едва только в телефоне послышался столичный голос. – Рад тебя слышать! Как дела, родня? Что семья?

– Я тоже рад. Не поверишь, каждое утро планирую позвонить, ан только за порог, тут же ворох забот. И так, бывает, закрутишься, что к вечеру забываешь имя своё и год рождения жены. Ну и вот... У меня всё в основном нормально, молодёжь подрастает себе, хотя иногда задают задачки... О твоих ребятишках узнаю регулярно от Насти. А как у тебя? Ты снова не обженился, часом? Настя – так и одна.

– Пока я на тех же позициях. Я вообще человек скорый, но тут притормозил, нужды не вижу.

– Во-во, я же помню – ты скорый на подъём. Не теряй темпа! Я как раз и звоню, рассчитывая на твою разворотливость. И твои инженерно-технические таланты. Есть заманчивое дело. Но надо тебе приехать сюда – средствами связи нам не обойтись. Вопрос требует детального обсуждения. Издержки твои будут оплачены. На недельку оторваться сможешь? Заодно приобщись к современным веяниям в культуре, а хочешь – тряхнём классикой. Ну как?

– Потеха! У вас что, механиков не хватает?

– Механика – это не всё. Нужно ещё слегка знать немецкий. Ты, помнится, его как раз и учил. И голова нужна, коммуникабельность. В общем – приезжай, не пожалеешь! Ты же, Кроме своей Каталонии, нигде не был?

– Патагонии. Юг Америк. Но неважно. Просто огорошил ты меня. Это, часом, не розыгрыш? Спиртным вроде не отдаёт...

– Ни спиртным, и не розыгрышем. Тут всё чисто и надёжно, как в шестерёнчатой передаче, хе-хе... Все дорожные и прочие расходы возместим, фирма у нас серьёзная. А взять тебе с собой нужно вот что... – и Бугаев перечислил документы, необходимые для этой поездки.

В течение довольно продолжительного времени Лаптевка сосредоточенно молчала. Наконец, пауза прервалась:

– Ин ладно, – сказал Ферапонтов, – я еду.

***

Странно выглядят ранние летние перемещения граждан на дальние и даже короткие расстояния. В самом деле – зачем, например, человеку стремиться в большой, шумный, знойный город из благословенной сельской или близкой к тому прохлады? Другое дело, если заготовлен билет на авиарейс до Абу-Даби. Тогда уж волей-неволей приходится забираться в мегаполис, поскольку в деревне подходящих аэродромов для старта нет. Как нет и пристаней для судов дальнего плавания. Не переставая спрашивать себя – а не сон ли вся эта авантюра, Николай Ферапонтов отправился в областной центр, чтобы там погрузиться на самолёт до Москвы. Но первую пересадку – с автобуса на автобус – следовало совершить в Нагорном. Ожидать предстояло около часа. Есть не хотелось, изучать достопримечательности райцентра – также, и он отправился в парк, где можно было, не наблюдая времени, посидеть в тени деревьев. Однако же до этого замечательного места дойти ему не удалось: из-за угла пятиэтажки выбежала возбуждённая молодая особа и, не найдя никого, бросилась к Ферапонтову.

– Помогите, помогите, пожалуйста, – схватив его за рукав, закричала она, – там человека бьют!

– Так, может, за дело? – рассудительно предположил Ферапонтов

– Там двое отняли у меня сумочку! – негодуяще воскликнула она. – А молодой человек стал её отбирать. А они напали на него. Скорее!

«Вот ещё забота!», с досадой подумал гость Нагорного, поспешая, тем не менее, за просительницей. Он представил, как прибывает в первопрестольную на переговоры, украшенный фингалом под глазом, и вдруг обозлился. Потасовка и в самом деле имела место, и не шуточная. Не оставляло сомнений положение обороняющегося: запас его сил явно иссякал, хотя парень налётчику попался не хлипкий. Он прислонился спиной к стене и яростно отбивался кулаками и пинками.

– Ваш жених? – спросил Николай Иванович.

– Прохожий!

– Позвольте, – сказал он, хватая ближайшего из нападавших за руку, – в сторонку!

В ответ тот размашисто двинул кулаком, но не попал по намеченному уху и тут же получил удар под дых, отчего согнулся и стал хватать ртом воздух.

– Ах ты..! – взвился второй разбойник, однако оценив мастерский удар нового противника, стал осторожничать, делать финты, чтобы улучшить момент. И, улучив, ударил, наткнувшись на локоть. Но не оставил своих приседаний.

– Будь проще! – сказал Ферапонтов, и ударил в свой черёд.

Дежурное приседание дало свой результат: удар, нацеленный в подбородок, пришёлся на зубы. Их владелец попятился, но удержался на ногах.

– А, чёрт! – выругался Николай Иванович, тряся поцарапанным кулаком и злобно надвигаясь на плясуна.

– Уходим, Лёха! – выплюнув зуб, обратился тот к приятелю и подхватил его под локоть.

– Я тебе, козёл..! – обернулся согбенный к Ферапонтову, но уловив встречное движение, прибавил ходу.

– Спасибо вам! – горячо благодарила Николая Ивановича девушка. – И вам! – повернулась она к парню.

– Спасибо! – в свой черёд, сказал и её заступник.

– Так вы что, даже и не знакомы? – полюбопытствовал Ферапонтов.

– До сего дня были незнакомы, – ответила девушка, и подняла валявшуюся у стены сумочку с оборванным ремешком.

– Впервые... – пробормотал парень и потрогал полыхающую правую щёку. – Кажется, этот же тип мне закатил недавно.

– Вот как? – поднял брови Ферапонтов. – А почему так неопределённо? – Он взял сумочку и поправил разогнутый блестящий карабин ремешка.

– Не успел рассмотреть. Но ударил в то же место – какой-то левша.

– Бывает, – бросил Ферапонтов и протянул руку:

– Николай.

– Сергей.

– Вера. А как вас по отчеству?

– Иванович.

– Спасибо вам ещё раз, Николай Иванович, и вам, Сергей.

– Можно на «ты».

– И ко мне – тоже.

– Может, знакомство и спасение сумочки отметим? – неуверенно предложил Вешкин. – Мне отпускные покоя не дают с самого начала лета! – и посмотрел на Веру.

– Я-то не смогу, – отозвался Ферапонтов. – Через полчаса еду «в область», оттуда – в Москву. Разве что по возвращении. А вам – почему бы не отметить? Хотя...

– Да, выгляжу я наверно, не очень. С такой вывеской... – сообразил Сергей. – А где вы так научились выбивать... то есть рукопашному бою?

– Вообще-то я не рукопашник. В институте занимался в боксёрской секции. Тогда всё такое давалось бесплатно. Учись – не хочу. К сожалению, доучивался уже платно. И бросил это дело.

– Какое своевременное знакомство! – засмеялась Вера.

– Везет мне в последнее время со знакомствами, – сказал Ферапонтов, – сегодня-то всё путём, а вот наемдн... – и он вздохнул.

– А что, неприятности? – спросил новый знакомец.

– Да как сказать... – И он рассказал историю с малым Николаем. – А вот уезжаю. Там, конечно, занимаются им теперь, но я как бы крёстный. Приеду – узнаю, как у него дела.

– Я тоже могу поучаствовать, – вызвалась Вера.

– И я, – присоединился к ней Вешкин. – Возьмём шефство. Запишите мой телефон.

– И мой; вернётесь – звоните. Мы навестим Колю, – заключила Вера.

– Что ж, спасибо. Надеюсь, всё устроится. Посмотрим, как и что. Да, ты, Сергей, говорил что-то насчёт первого синяка. Что за история? Я ничего не понял.

Вешкин замаялся, но потом, сознавая всю комичность и глупость происшествия, посвятил новых знакомых в детали книжного набега. Они слушали с живым интересом, а после Ферапонтов спросил:

– Эту книгу ты, конечно, припрятал получше?

– Правду сказать, да, – признался её владелец. – Мать говорила: «Да отдай ты её, от греха подальше!». Но кому и отдать-то, неизвестно. И потом – дело в принципе. Зацепило меня оно. Спортивный интерес.

– Правильно. Чувствую, что на этом не кончится. Будь начеку. Выдастся время, пораскинем мозгами коллективно. А сейчас мне пора. Всех успехов вам!

– Да я что-то начинаю терять веру, – признался Сергей и описал изыскания в родовом гнезде Козлова. – Это не к тебе относится, Вера, – тотчас же спохватился он.

– Веру терять – последнее дело, – наставительно изрёк Николай Иванович. – Не теряй её. Не догонишь. Мало ли что «сиживал!». Да где только и кто только не сиживал! Например, мухи. И вообще, дурак он был бы, схорони клад возле своей всем известной стоянки.

Вешкин оживал на глазах.

Дальнейшее путешествие Ферापонтова, вплоть до самой Москвы, протекало без происшествий и, наконец, утомлённый долгим сидением в воздушных и наземных транспортных средствах, он попал в объятия следующего за этот день Сергея – Бугаева. Сергея Семёновича Бугаева. Брата своей бывшей жены Анастасии.

– Ты не устал за дорогу? – после первых приветствий и кратких комментариев по поводу погоды и общего состояния международных дел, спросил Бугаев. – Если нет, приглашаю в ресторан. Посидим, поговорим, перекусим. О делах уж после – у меня дома. Так спокойней. У меня и заночуешь. Ну что – в ресторан?

– В ресторан, так в ресторан. Тебе виднее.

На угощение московский Сергей не скупился, в том числе и на шикарный коньяк, хотя наверное не знал – чувствует ли нынче гость меру? Но к издержкам любого рода он приготовился. Умнейший человек! Недаром же так хорошо устроился. Всегда здоров был говорить! И главное – всё правильно. Ну, или почти всё – смотря на чей вкус.

– Ты со службы надолго отпросился? – спросил он, когда выпили по первой, за встречу.

– Я самозанятый. Отпрашиваюсь только у обстоятельств. Но, как ты и просил, взял неделю. Они не противились.

– Замечательно! Отлично! Хорошо делать дела, когда над душой ничего не висит. За это давай и поднимем! Вот так!

– Ну, теперь расскажи о своих новостях. О московских, включая погоду, я наслышан – о твоих собственных. Ты, я понимаю, серьёзными делами занят, если устраиваешь такую встречу.

– Вообще говоря, да. Но дела эти так сказать, частного характера. Грубо говоря, негосударственного. Хотя размах приличный, я бы даже сказал, – Бугаев огляделся по сторонам, – сказал бы, до неприличия приличный. Но давай поднимем ещё по одной – чтобы все наши дела начинались, и особенно – завершались удачно!

И они выпили. Почувствовав, что у него как следует потеплело в голове, Николай Иванович решил, что возлияний достаточно: не напиваться же он ехал в такую даль!

– Что ж, – сказал он, отставляя опорожненную стопку, – может, тогда начнём помалу переходить к ним?

– Пожалуй, – охотно согласился Бугаев. – Поедем. Машина рядом.

***

Павел Крупнов и Лёха Бескудников трудились охранниками в соседнем с Нагорновским районе. Работа попалась непильная, но и малоодоходная. Скрашивали её выходные, поскольку служба в ЧОПе отправлялась посменно. В свободные дни два товарища, как и некоторые другие, занимались подработкой. Она случалась разная: то кому-то потребовалось выбить долг, то подворачивался случай сопроводить какой-то ценный груз – какой, без разницы. Сегодня у одной красотки в Нагорном почти взяли сумочку, но тут откуда-то вывернулся случайный лох, и всё испортил. Не успели разобраться с ним, как девка притащила лоху подмогу – едва ли не пенсионера. Пенсионер оказался крутым парнем – чуть не вышиб дух из Лехи, а Пашке выбил зуб, скотина. Одно утешение – слегка отметелили того, который встрял вначале. Правда, не совсем – помешали. А Пашка, если подумать, его уже видел дважды, хотя второй раз мельком только, но вроде точно его. И даже врезал ему в скулу, когда они с Лёхой делали вылазку за книгой в том же Нагорном. Лёха стоял на стрёме, но тут ему приспичило – съел в местной

кафешке какую-то дрянь. Пока бегал по нужде, вернулся хозяин и практически застучал Крупнова. Пришлось уходить с мордобоем. После он чуть не учинил мордобой и Лёхе: вызвался на дело, так терпи, хоть в штаны клади, но поручение выполни. Как делают все порядочные люди. Книгу они всё-таки добыли, хотя оставались некоторые сомнения – ту или не ту? В заглавии что-то про достоинство. Вечером должен приехать человек от Андрея Андреевича, который заказывал эту книгу, и рассчитаться с ними. Договор составили – устно, само собой, – на десять тысяч. Ну, хоть эти копейки. В целом напряжённое выдалось время, а иной раз за месяц никакой подкормки. Сумочку, вот жаль, упустили.

Вернувшись из Нагорного, в родном Плющеве никаких вылазок предпринимать не стали: опасно. Не надевать же маски? Да и надо отдохнуть. Скоро объявится заказчик.

– Не кинет он нас? – после двух часов ожидания спросил Лёха.

– Не должен. Деловой! Интересно, на хрена ему эта книга?

– Вот именно. Чужими руками... Наверно, что-то в ней есть, не зря же он из общен-тра задумал сюда переться. Да ещё десять тысяч нам. Может, оставим её себе, скажем, нету по указанному адресу?

– Конечно, лучше бы оставить. Если бы знать, для чего она нужна. А то и заказ вроде не выполним – нам веры не будет, и десять рублей не увидим.

– Вот жизнь, – вздохнул Лёха и принялся зевать, заражая приятеля.

Но Пашке зевать было больно – из-за разбитой губы и он бросил:

– Перестань зевать-то: пасть болит. – И добавил: – Вот сволочь!

Звонок, хоть его и ждали, раздался вдруг.

– Дома, дома! – сгорая от нетерпения, отозвался Крупнов. – Ждём! – Он хотел ещё что-то присовокупить, но в телефоне раздалась гудки отбоя.

– Сейчас зайвится, – широко улыбнуться Павлу не позволила распухшая губа. – Оркестр вызывать уж не будем?

– Да, может, и так перебеётся? Это вообще ему надо вызывать.

В дверь постучали и тотчас она отворилась, впустив невысокого, но упитанного человека с маленькими запавшими глазками и щетинистой бобриковой шевелюрой. «Кабан» – первое, что приходило на ум при взгляде на него.

– Добрый день! – вежливо поздоровался он, пожав каждому руку, отчего Лёха слегка присел. Я понимаю, дело сделано? Дозвольте взглянуть. А что это у тебя с губой?

– Хулиганы.

– Ужас! Что творится! Я надеюсь, с нашим делом это не связано?

– Никак нет!

– Хорошо. Так где же? – и гость протянул ладонь, на которую Крупнов благоговейно опустил добытую незаконным путём книгу.

– Ах-ха! Посмотрим, посмотрим. – И прибывший принялся изучать том, пролистав его с начала до конца, а затем и с конца до начала. После этого он внимательно рассмотрел фотографию на 113-й странице, и осторожно помял корки. Последнее, что сделал человек из Трёхречного – вчитался в название книги. Лёгкая тень сомнения омрачила его чело.

– Мне кажется, название должно быть несколько другое. А?

– Мы перетрясли все полки с книгами, их там сотни – с «достоинством» нашлась только одна, эта, – отвечал Крупнов, а его товарищ утвердительно кивал головой.

– Всё-таки, сдаётся мне, это не совсем та книга, – гнул своё привередливый гость. – Да что гадать, позвоню-ка я боссу!

И он точно, позвонил неизвестному боссу.

– Так вещь у меня, – почтительно докладывал посланец. – Но есть э-э... небольшая проблема.

– Серьёзные дефекты?

– Нет-нет, книга как новенькая. Никто её, наверное, и не читал. Но смущает название. «Честь и достоинство. Славные имена России» называется.

– Честь и достоинство? Ещё и славные имена? Так, чёрт! Это не то, что нужно! Они читать-то умеют, эти ребята?

– Ориентировались, видимо, на «достоинство». Никакой другой похожей, говорят, не имелось.

Возникла короткая пауза. Два книговора насторожённо прислушивались к разговору.

– Пусть принимают меры. Вещь надо найти! – непреклонно заявила трубка.

– А как с оплатой? – поспешно, пока она не отключилась, спросил Крупнов.

– А как с оплатой? – эхом повторил в трубку спецпосланник.

– Аванс же они получили? Ну вот. А работа не сделана. Вот когда заказ выполнят, тогда и оплата. И пусть поторопятся, пока договор в силе. Да пообещай 15.

Курьер отнял при последних словах трубку от уха и вытянул руку, чтобы стало хорошо слышно труженикам охранного предприятия:

– Всё понятно?

– Понятно-то понятно, да где ж её, заразу, ещё искать?

– Ну, тут уж вы мозгами пораскиньте. Фантазию привлечите. Может, её держат отдельно от других книг, вместе с драгоценностями – тайничок какой-то. Надо проверить как следует. И потом – имеется же и непосредственный владелец, можно поговорить с ним. Думаю, при умелом подходе – гость чиркнул ладонью по горлу – он войдёт в положение. Ну что, начали?

– Начнём, куда деваться.

– Ну вот и хорошо. Да не забудьте: «Достойные люди средней полосы» называется. Вы ведь записывали?

– Записывали. Да в этом аврале потерялось куда-то.

– Ну, так запомните хорошенько. Записи – это вообще для второгодников. Разные шпаргалки нам ни к чему.

С тем представитель из областной столицы отбыл, посоветовав не забывать подзаряжать телефоны и в необходимых случаях звонить немедленно.

Печаль поселилась в сердцах двух товарищей.

– Вот же зараза, – сказал Лёха, когда дверь закрылась, – ещё и второгодников приплёл! Ско...

Тут дверь вновь открылась и в проёме показался бюст откланявшегося курьера:

– Совсем забыл, – с досадой бросил он, – макулатуру свою заберите! – И вслед за этими словами в комнату влетела украденная у Вешкиных книга и шлёпнулась под ноги приятелям.

– Скотина! – закончил Лёха, оглянулся на дверь и сплюнул. Крупнов ничего не говорил и не плевался. Раздражающе ныла губа. Да ещё завтра с утра заступать на дежурство. Настроение – ни к чёрту.

– Давай-ка хоть на свои выпьем, раз уж с посторонними заработками облом, – наконец, прошепелявил он и пнул ни в чём не повинную книгу.

– Да, без этого тут не разберёшься, – с готовностью согласился товарищ. И они отправились в ближайшее кафе, где в эту раннюю, предвечернюю пору почти все столики пустовали, отдыхая от тяжелой ночной вахты. Крепкие напитки с горячей закуской, в которой использовалась часть ингредиентов блюд, оставшихся с ночи, развеяли горечь от неудач последнего времени.

Не так просто обстояло с горечью и раздражением Андрея Андреевича, с которым общался по телефону его посланник. Столько усилий – и вот тебе результат! Остолопы.

***

Андрей Андреевич Присядко отпраздновал 65-летие. Для торжества заказали очень просторное кафе, с двумя ведущими, крикливым ансамблем и множеством сценок и прочих

миниатюр. Народу! И то сказать: юбиляр являлся очень уважаемой и авторитетной личностью в областном центре. Правда, уже не настолько уважаемым, как в былые времена, но тем не менее. Особым почтением он пользовался у старшего поколения, которое помнило времена всяческого дефицита и цену дружеского расположения к человеку тружеников сферы торговли. Андрей же Андреевич тогда занимал должность директора большого гастронома. И к нему не зарастала народная тропа – будь он в рабочем кабинете, на просторах гастронома, на заседании исполкома или дома. Всем что-то нужно. Пожалуйста, Андрей Андреевич! Особенно, если речь шла о чём-то импортном. Да ты что! Чего только не обещали в знак благодарности. И не только обещали, но в большинстве случаев и делали. Довольно скоро товарищ Присядко, как умелый и ответственный хозяйственник, был назначен заведующим торговым отделом райисполкома, обзавёлся замечательным особнячком, внешне не привлекающим внимания. Понятно, что на постройку жилья он не тратился – эту обязанность взяло на себя государство, а разнообразную инфраструктуру – исполком. Запасы марочных, иных вин и крепких напитков, аккумуляировавшиеся в прежней квартире, перевезли без всяких свидетелей, как и многопудовую заначку долго не портящейся провизии, не говоря уже о скромных килограммах скоропортящейся. Все заготовки оказались очень своевременным и правильным шагом: пойдя на повышение, Андрей Андреевич оказался несколько отрезанным от прилавков. Ну да, конечно – он мог зайти в любой магазин на своей территории и попросить что надо. Но это уж далеко не то, особенно, когда дело касалось жены. Прежде она заходила в подведомственный семье магазин, как хозяйка в свою кладовку, в новых же условиях – едва ли не как рядовой покупатель. Случались вопиющие бесчинства: она спрашивала какую-то вещь, доподлинно зная, что таковая в торговой точке имеется, но получала отказ, хоть и вежливый. И понятно вполне: у каждого продавца имеются и свои родственники и приятели. Да. Они что же – останутся при своём интересе? В довершение ко всему подоспели рыночные катаклизмы и вдруг оказалось, что дефицита никакого нет, а появился со временем даже избыток товаров. Это уж ни в какие ворота! Горше всего оказалась вдруг эта невостребованность Андрея Андреевича: ну да, он занимал ещё какое-то время ответственную должность, но уж никто не искал его благорасположения. Вконец опечалила его потеря вкладов, хотя предусмотрительный человек, он приобретал в своё время драгоценности. Не так чтобы много, но на книжке у него было вдесятеро меньше. Всё равно обидно. На этом чёрная полоса в жизни Присядко не завершилась, нет: в скором времени ему прозрачно намекнули, что, мол, ценят его заслуги и бескорыстный талант, но приходит иногда время уступить дорогу молодым. И что тут сделаешь? Ровным счётом ничего. Прежние заслуги вместе с прежними наградами и поощрениями отправлены к чертям собачьим. Прежние высокие друзья уж не столь высоки, молодёжь люто карабкается вверх – да где же тут устоишь, со старой закалкой? Со старым калькулятором? Пришлось написать заявление.

По прошествии времени обнаружилось, однако, что сохранились и некоторые приятельские связи, и благодарная память – ну надо же! И чем дальше, тем больше – потому что те, кто стояли в убийственных очередях, вспоминали теперь о них с умилением. И воздавали должное Андрею Андреевичу Присядко. Так что когда он затеял отмечать этот, очередной юбилей, мало кто отказался, и то неявно. Но всё это собрание составляли, разумеется, граждане старшего поколения. Из молодых – только представитель нынешней администрации, да трое работников бутиков. Вполне достаточно! Потому что с молодыми – одни только проблемы. Рассказывали, что когда Присядко возглавлял торговый отдел исполкома, случилась из ряда вон выходящая история. В исполком взяли на работу молодого, перспективного специалиста – не то юриста, не то экономиста. Никчёмного, другими словами, человека. Краснодипломника. Тут уже начались дуновения ветра демократии, плюрализма, не обойдя и райкомы с райисполкомами. А этот молодой человек начитался и посмотрелся абы чего, и как-то попал на телесюжет о Диснейленде. И там рассказывалось, что главный Дисней – свойский для всех парень, и самый

молодой из корпорации может обратиться к нему запросто: «Уолт». И вот этот красnodипломник забежал как-то в кабинет товарища Присядко и, не заметив уже вошедшего посетителя – одного из завмагов – воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.